

А. А. КИРЕЕВ

**Ответ «Римскому вестнику» — «Moniteur de Rome».
По вопросу о соединении Церквей**

В 13-м № журнала «Revue Illustrée de la Terre Sainte et de l'orient catholique», 1893 года, перепечатана статья из «Римского вестника», заслуживающая внимания не только по своему содержанию, но и по своему происхождению, так как этот журнал — издание высоко-официозное, помещающее на своих страницах лишь то, что одобрено куриєю, что служит выражением ее мнений <...>.

Статья, о которой идет речь, — полемического свойства; она направлена против тех православных, которые будто бы противятся воссоединению церквей.

Воссоединение Востока и Запада вопрос современный и очень важный! Рим напрягает все свои силы для того, чтобы ввести унию и на Балканском полуострове, и в Западной Азии, и в Египте, — не забывает, конечно, и нас. Успехи эти даются ему, однако, не без борьбы: понятно, стало быть, что ему хочется поддержать своих сторонников, приобрести новых, и в особенности дискредитировать своих противников. Озаглавлена эта статья — «Une partie d'opposition à l'union des Eglises» — «Партия сопротивления соединению Церквей». Основная мысль ее та — что православные Церкви могут выйти из своих затруднений лишь с помощью папы, соединившись с его Церковью — другими словами — подчинившись ему. Весь Восток и весь Север, утверждает автор статьи, только этого и желают, но вот этому благому намерению противится означенная партия!

Статья «Римского вестника» написана очень умно и лукаво. Ложь искусно переплетена с правдой, подтасовки сделаны опытной рукой, и притом при несомненном сотрудничестве какого-то православного (действительно считающего себя таковым или прикидывающегося таковым). Последуем за автором — шаг за шагом. «Все добросовестные православные (tous les orthodoxes de bonne foi), — говорит он, —

возликовали и встрепенулись (*tressaillent*) при мысли о возможности воссоединения Востока и Запада; они рукоплещут усилиям первого епископа христианского мира, намеревающегося осуществить эти надежды». Таково начало статьи — и начало подтасовки: «Все добросовестные православные желают видеть воссоединение Церквей». Конечно, против этого никто и не спорит. Но — какое это соединение? Что значит соединиться с Церковью? *С кем именно* будет соединен Восток? Кто будет представителем западного христианства? Конечно, все мы, православные, возрадуемся воссоединению с Западом *православным*, но, конечно, никто — с Западом в смысле современного инфантилистического латинства! Но та сторона дела намеренно замалчивается. Затем сказано: «все *добросовестные* православные». Можно бы, казалось, сказать просто «все православные», зачем же это прилагательное (*добросовестные*)? А затем, — что оно пригодится впредь, когда нужно будет пояснить, что те, которые не хотят соединения с теперешним Западом, с папой, т. е. не хотят подчиниться ему, отдать ему свою совесть и свою веру — *недобросовестные православные!*

«Миролюбивое это веяние охватило уже (*envahi*) Восток и Север, и Лев XIII сделался надеждою умиротворения во Христе (*l'espoir de la pacification chretienne*) во всех странах, называющихся православными! (*tous les pays qui s'appellent orthodoxes*)». Какое полунаивное, полунахальное хвастовство! Написано это, очевидно, самой редакцией, а не русским ее сотрудником: никакой русский, мало-мальски знающий положение дел, не напишет такой чепухи! Кто же в России возликовал и возрадовался? Кто так смотрит в России (говорю о православных) на папу, кроме какой-нибудь дюжины полукатоликов, которым следовало бы откровенно отказаться от своей веры и своей национальности!?

«Но, среди этих народов (*ces pays*) и Церквей, есть секта (*une secte*), дышащая ненавистью (*que ni respire que la haine*) к латинской Церкви и папству. Секта эта хвастается (*se vante*) тем, что служит верной представительницей духа Восточной Церкви. Ее главари (*les chefs*) отказываются даже и рассматривать вопрос о воссоединении Церквей; они яростно (*fureur*) набрасываются на латинскую Церковь, ругают (*couvrent d'injures*) папство, стараются оклеветать (*calomnient*) его авторитет, представляя его (*cette autorité*) тираниею, а Латинскую Церковь — сборищем рабов (*esclaves*)».

Поистине страшная и преступная секта!

Очевидно, это мы, славянофилы.

Опять неправда, написанная для обморочения иностранных читателей. Вопрос преднамеренно затемняется: ведь нужно выяснить,

ведь дело в том, как разуместь *воссоединение* Церквей; с кем придется воссоединяться? Вот тут и являются «недобросовестные» православные, т. е. те, которые отвергают *подчинение папе*. Их то и обвиняет «Римский вестник» в том, что они отвергают *воссоединение* Церквей. Но, это *неправда!* Мы от соединения Церквей не отказываемся и не думаем отказываться, но папа и Церковь не одно и то же, это далеко не тождественные понятия! Точно такое обвинение было уже однажды выставлено В. Соловьевым против православных, «нежелающих» будто бы «воссоединения Церквей»; оно было направлено специально против нас, славянофилов, И. С. Аксакова и меня. Я отвечал на него в «Руси» [см. ч. II, стр. 108]. И тогда прием наших противников был тот же самый: мы говорили, что не желаем *подчиняться папе*, а нас обвиняли в том, что мы не хотим *воссоединения с Западной Церковью!* С тех пор дело значительно выяснилось; подобными обвинениями теперь никого не смутишь! Повторяю, никто из православных не отказывается от *воссоединения* с той Церковью Запада, о которой говорится в начале разбираемой статьи, «l'Eglise, qui a été unie à l'Eglise orientale pendant onze siècles», с той самой, которая начала от нас отделяться в конце IX столетия. Мы даже были бы готовы снова признать и папу первым епископом «среди равных», ежели бы на так называемом «престоле Петра» сидел такой папа, какие на нем сидели до разделения Церквей, хоть бы такие поклонники сильной власти, как Лев I или Григорий I. Мы, может быть, могли бы сговориться даже и с таким деспотом, как Иннокентий III, допуская, однако, что «ради вины (заблуждения) лжеверия» (*propter infidelitatis errorem*) Церковь может низложить (*dimittere*), прогнать римского первосвященника (*Sermo in consecratione Pontificis*), но теперь на этом же престоле сидит человек, считающий себя непогрешимым, вице-Богом, возведший это еретическое мнение в догмат, обязательный для всех тех, которые с ним в единении. Да, с *таким* человеком, с *такою* Церковью — мы не хотим соединяться, и причисляем себя охотно к секте «недобросовестных православных»; а что мы готовы *воссоединиться* с древней Западной Церковью, которая была с нами единою в продолжение одиннадцати веков (*unié pendant onze siècles*), это мы доказываем тем, что вошли в переговоры со старокатоликами, которые и суть именно эта Церковь!

Представителями этой «секты» (нежелающих *воссоединения*) являются в Греции — Диомид Кириакас и бывший епископ Патрасский*,

* Тот самый Никифор Калогерас, который был послан Афинским синодом на старокатолический конгресс в Люцерне (1892 г.), где и играл подобающую его сану первенствующую роль.

в России же — К. П. Победоносцев, объявивший в английском «Review of Reviews», что «русский народ никогда не согласится надеть на себя ярмо папского авторитета», чем де и доказал недостаток почтения (*manque de respect*) к учреждению, с которым императорское российское правительство сохраняет дипломатические сношения. «Письмо это, — продолжает “*Moniteur de Rome*”, — по крайней мере, относительно его формы (*au moins dans sa forme*), не было одобрено многими высокопоставленными русскими (*notabilités russes*)» (?).

Опять неправда: ни один русский не откажется от этих слов Константина Петровича Победоносцева; что касается до каких-то «нотаблей», отнесшихся к ним неодобрительно, то они, конечно, существуют лишь в воображении автора статьи.

Далее читаем — нечто комичное:

«Г-н Победоносцев нуждался в апологете (*M-r Pobedonostzeff, dans son laconisme grossier, avait besoin d'un apologiste*): вот и явилась г-жа Новикова, отбрасывающая совершенно воссоединение с Церковью римскою, которой она предпочитает старокатоликов — эту смесь отступников (*apostats*), янсенистов¹, рационалистов и протестантов».

К. П. Победоносцев ни в каких апологетах не нуждается. Что касается старокатоликов, то никакого янсенизма в их учении нет (оппонировать теории иезуита Молини* можно и не будучи янсенистом). Рационализма у них менее, нежели у латинян, ибо они придерживаются учения древней Церкви, которое было искажено Римом, введшим в свою догматику рационалистические новшества, мало-помалу превратившиеся в новые догматы. Что касается до протестантов, то с ними у старокатоликов относительно догмата ничего общего нет. Это д-р Вебер высказал минувшей весной самым положительным образом слушавшим его протестантам (на митинге в Штутгарте; я на нем присутствовал). Они живут с протестантами большею частью в мире и ладу, как подобает согражданам, но, повторяю, никакого влияния протестанты на учение старокатоликов не имеют. Все эти обвинения «Римского вестника» — пустой набор слов и ни одного из них латиняне не могли бы поддержать мало-мальски серьезными аргументами!

Но вот нечто более серьезное и более лукавое: «Г-жа Новикова, — говорит “Р. в.”, — не вникнула в основания своей собственной религии,

* [Molina (1535–1600), приобретший известность своей книгой о согласии свободной воли с дарами благодати и с божественным предопределением — «*Concordia liberi arbitrii cum gratiae donis, divina praescientia, providentia praedestinatione etc.*». Antverpiae. 1595].

которая — точно так же как и католическая, признает непогрешимость своего догматического учения. Это их общий базис (*une base commune*). И восточные и западные христиане принимают одинаково непогрешимость своего догмата». Совершенно верно; но что же из этого? Конечно, и мы принимаем необходимость такой непогрешимости (*l'infaillibilité dans l'enseignement dogmatique*), но нужно знать, *чье* учение признается непогрешимым? Какое учение? *Кто* непогрешим? Тут снова подтасовка, снова преднамеренное затемнение, смешение понятий. Действительно, мы преклоняемся перед авторитетным учением Церкви; но какой? — той Вселенской Церкви, которой ее Божественный Основатель обещал, что ее не одолеют врата адовы, той *Единой, Святой, Вселенской, Апостольской* Церкви, установившей непогрешимое догматическое учение, перед которым мы преклоняемся. Но у латинян такой Церкви уже нет, там нет непогрешимой Церкви, есть «непогрешимый» папа, которому, понятно, Христос никогда ничего не обещал; а это не одно и то же, даже не только не одно и то же, а, напротив, нечто совершенно противоположное. Итак, фраза об общем базисе (*base commune*) является тоже хитрой, но неудачной, подтасовкой.

Та же самая подтасовка понятий продолжается и далее.

«Церковь, — говорит «Рим. вестн.», — которая в продолжение одиннадцати столетий была соединена (*unié*) с Церковью Востока, которая и поныне обладает такою жизненностью (*vitalité*), что может победоносно выдерживать приступы (*les assauts*) протестантизма и рационализма... которая находит в себе достаточно *силы* (*force*), чтобы не только устоять против всяких испытаний, но еще и распространяться по всему свету, *должна* обладать чистым учением; она всего этого *не могла бы* исполнить, если бы не обладала тем учением, которое передал ей сам Спаситель. Ежели бы эта Церковь не сохранила в полной чистоте (*dans toute sa pureté*) учения, данного ей Христом, она не могла бы побороть всех этих препятствий».

Тут снова и очевидно преднамеренно смешиваются различные Церкви и отождествляются совершенно различные понятия — отождествляются сила и правда, а это далеко не одно и то же! Говорится «о Церкви» как будто о какой-то единой Церкви, а между тем понимаются две совершенно различные. Церковь древняя одиннадцати первых веков и семи Вселенских соборов отождествляется с современной инфантилистической Церковью собора Ватиканского². Но Церковь Киприанов, Августинов, Львов и Григориев Великих совсем не тождественна с церковью Гильдебрандтов, Бонифациев и Торквемад, с Церковью Исидоровых декреталий и Грациановских конкордаций, и в особенности новых Пиевых догматов. Это две совершенно различные Церкви — у них, правда, одно и то же непрерывное рукоположение,

но совсем не один и тот же догмат! А это-то важнейшее обстоятельство и замалчивается! Повторяю: с той — древней Святой Католической Церковью мы с радостью готовы соединиться, с современной же еретической римской Церковью — нет!

Не менее осязательное смешение понятий представляет, в статьях «Римского вестника», отождествление *силы* и *правоты*. Автор повторяет на все лады, что латинство *сильно*, указывает на его *мощь*. Да он точно так же мог бы указать и на несомненное внешнее величие его, на потрясающее впечатление его блестящих церемоний и т. п. Но какие же это аргументы в пользу православности, истинности учения Церкви?! Все это может озадачивать, может «импонировать», но разве все это может служить доказательством истинности латинского догмата?! Сила ничего не доказывает. Мало ли где и в чем она проявлялась! Разве мусульманство, о которое сокрушилась вся сила средневековой, «Крестоносной» Европы, не сила? Оно и теперь, говорят, распространяется в Индии и по направлению к Тибету. Да и в этом отношении хвастливая аргументация «Р. в.» не выдерживает критики; он уверяет, что католицизм победоносно отразил и отражает приступы протестантизма и рационализма! Какое же это «победоносное отражение», когда протестантизм отторгло у него именно наиболее образованные страны, когда-то входившие в состав Римского патриархата? Не совсем понятно и хвастливое уверение о торжестве над рационализмом. Под этим выражением понимается, конечно, атеизм, неверие? (хотя это не совсем точно). Но ведь католичество борется с ними даже менее успешно, нежели с самим протестантизмом! В последнее время по всей Западной Европе чувствуется некоторый подъем религиозного чувства, но он чувствуется едва ли не более в странах протестантских; в германской науке происходит некоторый поворот от материализма в сторону религии или, по крайней мере, к идеалистическим началам, но в массах неверие и индифферентизм растут не по дням, а по часам. Говорю о южной Германии и о Франции. То, что приходится слышать об Италии, едва ли более утешительно. Стало быть, и тут хвастливая неправда!

В том же параграфе сравнивается латинская Церковь с нашими автокефальными Церквями Востока. Автор повторяет, что «латинская Церковь сильна именно вследствие того, что содержала (*conservé*) чистоту Христова учения. Ежели бы, утверждает он, она не исповедовала истины, переданной ей Христом, она, конечно, пала бы совершенно (*tomber inévitablement*) или, по крайней мере, обессилела бы, как обессилены автокефальные Церкви *нашего* православия». Эта последняя фраза принадлежит, стало быть, какому-то псевдоправославному. Как же ему не стыдно участвовать в писаниях, где так много неправды?!

Важнее — соображение авторов о выгодах, которые получают православие и Россия от соединения с Римом. «Римский вестник» ставит вопрос о воссоединении очень категорично. Мы, православные, делаемся униатами. Папу мы признаем главой Церкви. Обряд наш нам оставляют, но догмат мы, конечно, принимаем Римский (а со временем, несомненно, изменится и обряд: это мы видим в Галиции). О каких бы то ни было гарантиях противу незаконных действий папы и не упоминается! Напротив: «Католичество, — говорит автор, — органически связано с папством. Требовать, чтобы Католическая Церковь отказалась от прав первенства папы (*Prétendre que l'Eglise Catholique renonce au droit de primauté de la Papauté*), все равно что требовать, чтобы *христианство* отказалось от своей центральной силы (*c'est demander, que le christianisme renonce à sa force centrale*). Сила Католической Церкви заключается в организме папства» (*dans l'organisme de la Papauté*). Ясно, что тут папство понимается в его современном смысле и что оно всецело перенесется со всеми своими деспотическими правами и на нас, когда мы сделаемся униатами. Конечно, о тяжести этого бремени умалчивается, — говорится лишь о великих выгодах и благах, которые, по словам «Римского вестника», получают от союза с Римом православные автокефальные Церкви: они усилятся, находясь в союзе с латинством. Это увеличение и обновление сил обещается специально России (*l'union avec le St-Siège serait une force nouvelle pour l'Empire du Czar!*). «Католический мир приветствовал бы его (царя) как нового Константина», — продолжает соблазнять «Римский вестник».

Что мир католический, или, вернее, папа, очень бы обрадовался такому обороту дел — не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению. Все правительства Запада от него отказываются, ему, стало быть, было бы очень кстати завербовать в свои слуги такую силу, как Россия! В искренности этого желания сомневаться нечего; думаю только, что папе было бы приятнее видеть в русском царе заместителя Пипина Короткого или Карла Великого, а не Константина, не подарившего ему никакой территории, не давшего ему никакой мирской власти, как уверяют некоторые латинские ученые.

Везде забота о власти, о силе. Правда, право точно и не существуют! Даже и самая истинность догматического учения латинской Церкви доказывается ее силой! Автор рассуждает, как истый католик — сила! власть! успех! Но какая польза в этой силе, если она не служит правому делу? добру? Ведь она не есть цель сама для себя, а лишь средство для достижения добра и истины!

Далее автор переходит к рассмотрению наших порядков и критикует их.

Не подлежит сомнению, что многое в наших порядках — неудовлетворительно; этого не будут отрицать и самые «преданные» и официозные голоса. Ведь в Церкви действуют два элемента: божеский и человеческий: неужели можно утверждать, что у нас и человеческий элемент свят и непогрешим, как и божеский? что все, что им совершается, непременно и всегда хорошо, что у нас *все* хорошо и ничего не требует исправления? Мне случалось встречаться с такими апологетами; и думается мне, что их апологии никуда не годятся, что они и безнравственны — ибо не соответствуют истине, и неудачны — ибо, защищая явную неправду, вселяют вполне законное недоверие и ко всему тому, что в них говорится *bona fide* и справедливо. Я читал много полемик, и должен сказать, что наши полемисты часто терпят поражение именно благодаря такому способу защиты. Они не только защищают действительно непогрешимый (божеский) элемент нашей Церкви, наше догматическое учение, не только то, что у нас действительно хорошо и в сфере элемента человеческого, но твердят и уверяют, что у нас все хорошо, и нет ничего подлежащего исправлению! А можно ли верить, напр., что отношения нашей государственной или общественной жизни к Церкви вполне удовлетворительны, правильны, согласны с канонами, что каноны соблюдаются вполне точно? Не говорю о тех канонах, которые вследствие новых условий жизни стали или бесцельны или неприменимы, или о тех, которые имели лишь временное значение как протесты против еще не совсем упраздненного язычества и т. п. Канон не догмат, не имеет безусловного значения, не безусловно обязателен и может, стало быть, быть отменен постановлением Церкви, но есть и такие каноны, коих нарушение преступно. Для примера укажу на кан. 37 св. ап. *, подтвержденный первым, четвертым и шестым Вселенскими соборами; или на каноны, относящиеся до заключения и расторжения браков. В подтверждение моих слов укажу, напр., на Румынию, где гражданские законы о расторжении брака понижают его важное значение общественное **. Нарушения эти стали особенно часты со времени введения в Румынии гражданского брака, этой насмешки над святостью таинства (Гражданское таинство?!). О том, как некоторые относятся к святости брака в Сербии, можно судить по несчастному примеру бракоразводного дела короля Милана Сербского ***. Как у нас к этому же

* Дважды в году да бывает собор епископов.

** Это писалось в 1893 г. Теперь и у нас не лучше!

*** Можно надеяться, что теперь, благодаря усилиям всеми чтимого митрополита Михаила, подобные неурядицы будут устранены. Выработанное им уложение заслуживает полного сочувствия.

тайнству относились Иоанн Грозный или Петр Великий — известно. Примеры того, как перемещаются без их согласия епископы с одного престола на другой, мы видим в Болгарии... Все это справедливо и на это указывает «Римский вестник». «Государство, — говорит он, — становится (*s'érige*) в России покровителем Церкви и дает чувствовать свое влияние во всех проявлениях (*actes*, действиях) ее жизни. Если влияние это не уравновешено властью (*souverainité*), находящейся в самой Церкви, то управление (*direction*, направление) церковными делами попадает, если не *de jure*, то *de facto*, в руки государства». Кто же, спросим мы г-жу Новикову, в состоянии в русской Церкви уравновесить это влияние государства? Епископ? Да правительству не составит труда заставить его замолчать, удалив виновного из его епархии (*en le reléguant hors de son diocèse*)! Св. Синод? Но ведь всякое его сопротивление было бы сочтено бунтом (*rebellion*) и немедленно подавлено! Так говорит «Римский вестник»; но что же он предлагает? «Если бы Россия, — уверяет он, — была в унии (*unie*, соединена) с папой, Синод возвратил бы себе свою независимость, ибо между ним и государством стоял бы авторитет (*l'autorité*) папы. Св. Синод вышел бы из своего состояния подчиненности (рабства, *servilisme*); его постановления, получая одобрение высшей власти, независимой от государства, были бы уважаемы» (*respectée*).

Все это написано очень умно и лукаво, хотя несколько темно и на не безукоризненном французском языке. Тут есть и доля правды, но под ее прикрытием, под ее маской, проводится и масса неправды... Разберем дело подробнее...

Единство с Римом, говорит «Римский вестник», усилило бы православные Церкви, подняло бы их, ослабило бы их зависимость от мирской власти! Дело, конечно, крайне желательное. Рим хвалится, что его могущество уберезет нашу Церковь от посягательств на нее государства. Так ли это? В такой ли мере это справедливо, как уверяет автор статьи? Теоретически этот вопрос не разрешается, приходится, стало быть, обратиться к фактам. Для примера возьмем католическую Францию, эту первенствующую дочь Римской Церкви, первенствующую во всех отношениях и по могуществу, и по культуре, и по месту, которое французская богословская наука, если не занимает, то занимала в католичестве (Сорбонна). Что же мы видим? Много ли, действительно ли защищает папа французскую Церковь от посягательств французского правительства? Нет! К чему, напр., послужили его протесты против лаицизации школы? Ведь школьный вопрос — вопрос капитальной важности! От его решения зависит в значительной степени будущность Франции — и что же? Несмотря на протесты папы, школы лаицированы,

Распятие из них выброшено, нелепый «гражданский» катехизис Поля Бера введен и преподается! Где же та *сила*, та *защита*, которую обещает папа против беззаконий государства? Папа протестует — и только, никто не двигается: даже почтенный, с незапятнанной репутацией граф де Мэн, вождь католической партии в палате, и тот проваливается на выборах. «*A bas le calotin!*» — кричат ему. В Италии дела идут еще хуже. Государство еще более провинилось противу римской Церкви: «кесарь», впрочем, весьма справедливо, отобрал у нее свое достояние, предоставив «вице-Богу» Ватикан и храм св. Петра, чего по-настоящему для него вполне достаточно; ну, и что же? Папа еще более протестует, даже отлучает «кесаря» от Церкви, и опять-таки из всего этого ничего не выходит; и если итальянское правительство находится в денежных затруднениях, то никак не вследствие протестов папы, а лишь вследствие сильной страсти его играть в солдатики и великодержавие, на которое оно разоряется. Эту ли силу, эту ли защиту сулит нам папа? Защита эта, как видно, не из сильных.

Не подлежит сомнению, однако, что соединение с папой придало бы деятельности нашей Церкви недостающее ей единство; в этом главная наша беда. Восстановление этого единства крайне желательно, оно, несомненно, важное условие успеха. Многие из того, что, к сожалению, делается теперь, несомненно, бы не делалось или делалось бы гораздо труднее. Далее, может быть, что, если бы мы были соединены с папой, личный состав духовенства бы поднялся, в него бы, вероятно, снова стали поступать люди высокого общественного положения, которые могли бы крепче стоять на страже прав и привилегий Церкви — нежели теперь. Я отнюдь не думаю, чтобы они оказались лучше теперешних, оказались бы более нравственными, более учеными и т. п., отнюдь нет, но они, несомненно, были бы не столь беззащитны; с ними светской власти пришлось бы более считаться, а это было бы несомненным благом. Но далее я никаких благ не вижу, да их мы можем достигнуть и сами, без помощи папы!

Папа будет защищать ваш Синод, обещает далее «Р. в.». Каким же образом? — спросим мы. В Средние века папа имел острастку на своих врагов: против одного враждебно настроенного государя можно было немедленно восстановить другого, согласного играть роль палача и — очень часто провинившийся покорялся или погибал! Так папы и вели свою политику, не щадя даже семейных уз; восстанавливая сына против отца и т. д. ... Но ведь теперь не то! В услужение папы теперь никто не пойдет: теперь никакой король, никакой парламент и пальцем не двинут для наказания другого короля или парламента, провинившихся перед папой. Если наше мирское правительство взду-

мает притеснять нашу Церковь и *если мы сами, все православные, не встанем и не двинемся в защиту своей святости*, то, конечно, никакие папские протесты не спасут Церкви! И действительно: если русское государство не устыдится посягнуть на права русской Церкви, то что может его заставить остановиться перед протестом папы? Что побудит государство преклониться перед его авторитетом? Конечно, не убеждение в его силе — ее нет! Его может остановить уважение к тому божественному началу, коего он представитель. Но разве не только св. Синод, но и всякий епископ не есть представитель того же начала? И каждый из них разве не может в свою защиту сослаться на тот же божественный закон? Разве папа стоит ближе к божественной истине, нежели всякий другой епископ? Где доказательства такого странного предположения? Повторяю: если за протестами и угрозами папы, обращенными к какому-нибудь правительству, посягающему на права Церкви, не будет активного или хотя бы пассивного протеста подданных того же государства, то из его угроз ничего не выйдет! Если в этих подданных не вытравлено религиозное чувство, то они сумеют встать в защиту поправленных чувств своей Церкви и без всякого протеста и подговаривания со стороны папы. Они восстанут сами, или совсем не восстанут!

Признавая, что союз с папой может принести некоторую пользу (но далеко не столь большую, как некоторые думают), мы, православные, вправе, однако, осведомиться и о той цене, какую придется заплатить за эти услуги папства. Эту сторону дела «*Moniteur de Rome*», конечно, забывает выяснить; он на нее указывает лишь слегка. Воссоединитесь с латинской Церковью и станьте под сень любвеобильной власти папы, повторяет он; другими словами — отступитесь от веры ваших отцов и перейдите в латинство! Легко сказать! Но прежде следовало бы доказать, что наша религия *не истинна*, а латинская *истинна*, т. е. что догматы, исповедуемые нашей Церковью, разнятся от тех, которые исповедовала Церковь семи Вселенских соборов, а что, напротив, Церковь латинская исповедует именно все те, которые исповедывала Церковь древняя, что она не прибавила ни одного нового и не убавила ни одного старого. Вот, когда нам латиняне это докажут, тогда мы и перейдем в унию, и перейдем под «любвеобильную сень Ватикана». Латиняне гарантируют нам неприкосновенность наших обрядов, — конечно, каждый дорожит своим обрядом, он с ним свыкся и охраняет его, но ведь это вопрос не существенный, один предпочитает ходить «по солонь», а другой наоборот, у одного орган — у другого нет, один отращивает волосы, а другой стрижет или бреет. Дело не в этом, конечно, это не религия; вопрос идет о *догмате*, о том, что составляет именно сущность веры!

Папа берется защитить нас от государства,— прекрасно; но *кто защитит нас от папы?*

Вот вопрос, на который мы желали бы получить ответ от желающих нас воссоединить! Но ответ может быть только один:

Никто!

Затем, признавая долю пользы, которую могло бы нам принести соединение с папой (преимущественно в отношении единства действий), следует спросить: действительно ли мы нуждаемся в папе для достижения обещаемых благ? Вопрос очень серьезный.

Ответ на него вполне ясен — *Нет, для всего этого мы не нуждаемся в папе!*

Нам не нужно платить за это апостазией и из православия переходить в ересь!

У нас у самих, в нашей собственной Православной Соборной Единой Святой Апостольской Церкви есть средство достигнуть всего того, в чем мы нуждаемся. — Стоит вспомнить о той верховной власти, которая *устrojла основанную Христом Церковь*, которая снова может все устроить, может разрешить безапеллятивно и окончательно все вопросы нашей церковной жизни и вывести нас на торную дорогу.

Разумею Вселенский собор.

Выше я спросил: кто, в случае воссоединения нашего с Западом, защитит нас от папы? от его новых еретических догматов? Ответ не может подлежать сомнению: — *Никто!* В этом отношении наше теперешнее положение несравненно лучше того, в котором мы бы оказались после нашего воссоединения с папой. Государство, мир, пользуясь своей материальной силой, могут совершать разные беззакония в области церковной жизни, оно может велеть задушить митрополита Филиппа или сгноить в тюрьме Арсения Мацеевского, но оно окажется бессильным в области *веры*. Ежели бы, сделаем невозможное предположение, оно вздумало поднять на нее святотатственную руку, оно встретило бы надлежащий отпор; оно не имеет ни *права*, ни *возможности* изменять веру, а *папа имеет и то, и другое*. Вот вопрос, который «*Moniteur de Rome*» оставляет в стороне: а ведь все дело именно в этом.

Позволю себе повторить то, что мне не раз приходилось говорить и доказывать: никто не думает отрицать, что в нашей церковной жизни есть недостатки и даже крупные; в этом отношении латинское врачи-*диагносты* правы, но эти врачи плохие *терапевты*: они предлагают (и не в первый раз) такие средства, которые хуже самой болезни! Болезни наши излечимы, преходящи, они имеют временный характер; отдать же себя во власть папы, признать за ним право изменять наш православный догмат и предписывать нам законы

нравственности, это — подписать свой смертный приговор; и в этом случае сто раз прав К. П. Победоносцев, утверждая, что никогда русский народ не согласится надеть на себя римское ярмо, даже ежели бы, как думает отец Ваннутелли, русское правительство выразило на сие свое желание.

И это не пустая фраза. Ежели многие миллионы старообрядцев и раскольников отделились от Православной Церкви из-за пустых, иногда не имеющих никакого значения слов и обрядов, то что же было бы, ежели бы светское правительство, обезумев, вздумало затрагивать нашу веру! Конечно, этого никогда не случится, ибо у нас нет повода к принципиальному антагонизму между государством и Церковью. У нас нет папы. Догмат устанавливается у нас Вселенским собором. По православному понятию епископы, заседающие на соборе, не законодатели, измышляющие догматы, а свидетели нашей веры («констатирующие» ее — *lestes fidei*). Мы — и государство, мы же — и Церковь. Как в единении с нашим царем мы составляем государство, так мы же в единении с нашим епископатом составляем Церковь. Поэтому между нами как государством и нами как Церковью могут быть лишь недоразумения, временные размолвки, а не принципиальная борьба, — как на Западе <...>.

Павловск.

14 сентября 1893

